

Владимир Немцев *Столица моей судьбы*

роман

Владимир Немцев

Столица моей судьбы. роман

«Издательские решения»

Немцев В. И.

Столица моей судьбы. роман / В. И. Немцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746292-5

Книга об офицере Императорской гвардии, который вжился в советскую жизнь, воспитал приемного сына, избавился от охоты на себя французской разведки и стал невидимым символом Самары. Человек и город сплелись в одну удивительную судьбу.

ISBN 978-5-44-746292-5

© Немцев В. И.
© Издательские решения

Столица моей судьбы роман

Владимир Иванович Немцев

Фотограф Владимир Иванович Немцев

© Владимир Иванович Немцев, 2018

© Владимир Иванович Немцев, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-6292-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

Самара маленький город. Все настоящие города имеют небольшие размеры и большой возраст. Их городское ядро обрастает прилегающими районами, которые не имеют такого большого значения, как старые, хотя и вписывают город в современную жизнь.

Мы с дедом жили в самом центре старого города, на углу Красноармейской и Галактионовской в двухэтажном строении, низ которого был кирпичный, а верх бревенчатый. Занимали мы в нём половину нижней части, выходящей на улицу. И летом хорошо видели, как мимо нашего дома проносились в сторону Волги мальчишеские орды, загорелые, как полчища захватчиков. А следом их отцы и старшие братья везли на самодельных тележках проконопаченные во дворах деревянные лодки, с помощью которых можно было накормить рыбой всё прожорливое семейство.

Дед в этом соблюдал нейтралитет, потому что хозяйство наше было маленькое и старое, как город. Да и купаться мы ходили довольно редко, зато днём и ночью слушали грохотанье трамваев, от которых дом содрогался. Трамваи ходили по двум маршрутам: «Советская площадь (бывшая Хлебная) – Тюрьма» и «Площадь Революции (бывшая Алексеевская) – Тюрьма», и оба маршрута пересекались перед нашими окнами. Сама же тюрьма представляла уменьшенную копию питерских Крестов, и слыла комфортабельной. По слухам, гуляющим в городе, в ней мечтали побывать все подрастающие самарские хулиганы, точно так же, как остальные – законопослушные – граждане непрочь были хоть завтра оказаться в коммунизме. Никто, впрочем, не мог точно объяснить, что это такое, зато про тюрьму знал каждый. Но для меня коммунизм был неким «временем», которое, возможно, когда-то настанет.

Когда отменили заводские гудки, я по трамваям пытался определить время текущее, но оно от меня всё равно ускользало: трамваи ходили нерегулярно, да и часто ломались. Зато на них было хорошо кататься. Грохот и качанье в салоне создавали впечатление военного окружения, из которого я обязан был вырваться, и хотя я не мог дотянуться до петлистых ремешков, за которые держались взрослые, всё равно пытался это сделать. Когда же у меня это стало получаться, то все ремешки разом пропали.

– Шантрапа порезала, – объяснил дед.

Эта шантрапа шлялась вечерами мимо окон, зыряка из-под козырьков кепочек за занавески, однообразными движениями рук доставая из огромных карманов семечки и кидая их в слюнявые рты, облепленные шелухой.

Как-то перед финской войной два таких архаровца, вскрыв дверь, забрались к нам, но дед, несмотря на свои старые годы, уложил их на пол. Я проснулся от их визга и увидел, что дед ловко и быстро обматывает их руки верёвкой, на которой мы сушили в коридорчике стираное бельё. Я во все глаза смотрел, как дед потом поставил этих налётчиков, привязан-

ных друг к другу, на ноги, сделал внушение на непонятном мне грубом языке, потом пинками вытолкал вон.

Дед мне строго-настрога запретил гордиться его подвигом, но, хотя я и боялся запрета, всё-таки про себя ещё долго гордился своим дедом. И не столько из-за надёжной обороны дома, сколько за то, что дед вообще всё умел да почти всё на свете знал. Да что там «гордился», я обожал его!

Мне нравилось смотреть ему вслед, когда он с достоинством шествовал по правому краю тротуара, неизменно предупредительно уступая дорогу любой женщине, и редкая не замечала этой непривычной галантности. Многие ещё с удивлением, а то и восхищением, оглядывались на крепкого большого бородача, одетого как мастеровой, на его прямую широкую спину, мощные кисти рук и горделиво сидящую голову с русыми с лёгкой проседью волосами, ровно подстриженными под «горшок».

Лишь только началась финская война, по городу ночами стали ездить машины с милиционерами и мотоциклы с солдатами-автоматчиками, и все блатные куда-то враз пропали, как ремешки из трамвайных салонов. Дед постоял в очередях в паре магазинов и всё разузнал. Оказывается, в результате облав на знаменитые на всю страну самарские «малины» всех обитателей забрили на финскую войну. Потом добрали остальных по их постелям. Почти никто не вернулся, зато уж вернувшиеся бродили по пивным какие-то задумчивые и тревожно позванивали медалями на пиджаках.

А вот с домом произошла страшная история. Я как-нибудь расскажу про неё, только соберусь с духом.

2.

Когда 2 марта 1917 года разнеслось известие об отречении Николая II от престола, подполковник Спиридонов находился с инспекцией в Московском Кремле. Он немедленно сделал звонок императору и несдержанно упрекнул его за это решение; связь была великолепная, сквозь слабые индукционные щелчки, шуршания, жужжания, улавливалось даже дыхание Николая.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – дело недостаточно подготовлено, ваш брат откажется, и...

– Господин подполковник, вы можете ко мне больше так не обращаться, мы с вами почти одинакового воинского звания, – ответил ему царь обычным спокойным голосом.

– Ваше величество, никогда нам не быть на равных! Вы не можете не знать, что история выстраивает свою субординацию.

– Конечно, выстраивает, но не судите меня строго... Николай Васильевич, я готов с вами обсудить некоторые исторические обстоятельства послезавтра в Константиновском дворце, если ничего не изменится.

Оговорка императора, пускай и уже *бывшего* императора, ясно указывала на тревожность ситуации. Поэтому подполковник Спиридонов спешно поехал на вокзал. Поручик Рагузов с умоляющим лицом сунул ему красный бант.

– Зачем эта декорация?

– Дело серьёзное, мы тут даже не представляем, куда всё зашло, в Петрограде уже многие ходят с бантами.

Николай Васильевич взял, но, правда, обошлось. Через день он с улыбкой показал помятый бант Николаю в качестве образчика конспиративной забавы. Но Николай по-прежнему избегал разговоров на «исторические» темы. Он покосился на бант и попросил подполковника составить опись документов и предметов, которая будет затем подписана. Так всё и произошло.

– Николай Васильевич, я препоручаю это вам с большой надеждой, – сказал Николай. – Надеюсь, когда-нибудь скоро смута уляжется, и мы вернёмся к этому делу.

– Ваше императорское величество, готов уже сейчас обсудить все вероятные варианты событий.

– Успеется, – промолвил Николай и протянул раскрытую ладонь для рукопожатия. Потом качнулся к недоумённому Спиридонову и поцеловал его троекратно. И ещё бегло перекрестил.

А через неполную неделю Николай и его семья были арестованы по распоряжению министра юстиции Временного правительства Александра Керенского. Пять месяцев они жили под охраной в Царском Селе, пока Временное правительство расследовало обвинение в государственной измене императрицы Александры Фёдоровны. Улик не нашлось, и правительство попыталось выслать Романовых в Англию, но король англосаксов Георг V не пожелал приютить своих родственников. Из-за злобных антимонархических настроений в Петрограде Романовых в августе переправили через Урал в Азию, в Тобольск. Спиридонов узнал об этом тотчас. И ещё он знал, что Николай святой, потому что не от мира сего. Но нельзя было никак объяснить этого впечатления. С тех пор, постоянно занимаясь делами, Николай Васильевич часто ловил себя на незаметно приходящем ощущении чьей-то святости и лёгкости жития.

Он спустя полмесяца отправился в Тобольск с несколькими своими людьми. Между ними начались споры, колебания. В оправдание можно сказать, что ситуация была совершенно непонятная и противоречивая, любые свои действия могли и нанести вред. Так ушло время, пока 30 марта 1918-го по старому стилю большевистская охрана перед угрозой наступавшего из Сибири адмирала Колчака не перевела Романовых в Екатеринбург и не сдала местному Совету, потребовав подробную расписку.

За это и последующее время произошла масса паршивых событий. Во-первых, Временным правительством 1 сентября 1917-го года была образована Российская республика, которая учредила Совет пяти, в сущности, французскую Директорию. Об этом Спиридонову со всеми обстоятельными подробностями рассказал один из надёжных агентов в Петрограде. Теми пятью, пояснил он, были министры Временного во главе с Александром Фёдоровичем Керенским, вырастающим до диктатора. Они были настроены править железной рукой для утверждения Республики. Правда, Керенскому твёрдости так и не хватило, Совет просуществовал до 25 сентября, пока не образовалось уже третье, коалиционное, правительство. «Вот и оставался бы диктатором», – в сердцах пробормотал Спиридонов, отвернувшись от удивлённого взгляда агента.

Во-вторых, потом большевики совершили нахальный, пускай и не совсем незаконный, переворот – полномочия у правительства истекли. Захват власти был ещё хуже, чем непоследовательность Временных. Эта акция у здравомыслящих людей вызвала понятную тревогу, особенно если учитывать германо-большевистские связи, ни для кого не бывшие тайной. Но по порядку.

Вскоре после захвата власти большевиками второго ноября началось формирование Добровольческой армии в Новочеркасске, ядро которой составила группа Георгиевского полка, торжественно прибывшая уже шестого. Очень быстро эту армию окрестили «Белой». Видимо, тогда уже, из-за добровольцев, положение Романовых сильно осложнилось и становилось всё хуже и хуже. Довольно скоро несколько советских комиссаров, появившихся в Тобольске неизвестно по чьему полномочию, стали требовать передачи «граждан великих князей» в их распоряжение.

Впрочем, как бы в противовес, 12 ноября начались исторически долгожданные выборы в Учредительное собрание. 25-го они закончились в большинстве округов, в остальных – в декабре. Из избранных семиста с лишним депутатов большинство представили эсеров и другие демократические партии, четверть – большевиков, а кадеты и правые партии победили тринадцатью процентами депутатов. Собрание никак не могло собраться по формуле «пятьдесят процентов плюс один депутат», чтобы была возможность принимать решения. Словно бы что-то или кто-то мешал народным избранныкам добраться до Таврического дворца в Петрограде

и собрать кворум. Когда же они стали понемногу подтягиваться, большевистская фракция под одним из предлогов покинула Собрание. Разумеется, после нескольких вскриков и угрожающих телодвижений большевиков 6 января 1918-го года вышел Декрет Ленина о роспуске Учредительного собрания, якобы не торопящегося собирать новое правительство. Но все в России прекрасно знали, что депутаты явно не были настроены оставлять самозданное правительство, а хотели сформировать пускай коалиционное, но своё. Недовольных роспуском большевики начали расстреливать прямо на улицах в нескольких городах России, и иногда вместе с семьями – для пущей остротки. Вот вам, наконец, и долгожданная революция!

И дальше понеслось... 3 марта подписан ужаснейший мирный договор с Германией. К этому всё и шло. Одновременно большевики, видимо, готовые одарить немцев Питером, переехали в Москву, сделав её двенадцатого марта столицей. И уже в Москве, 24 марта, организовали в РКП (б) Венгерскую группу во главе с Бела Куном. Кого как, а Спиридонова этот факт поразил больше всего, когда натолкнул на очевидную мысль, что готовятся карательные акции, раз уж начались такие дружеские объятия с теми иностранцами, с которыми только что воевали. Не будет же русский солдат, какой бы он ни стал за всю продажную войну, так уж легко и, главное, регулярно стрелять в своих, православных. Вот и нашли таких...

Впрочем, подполковник Спиридонов отдавал должное Ленину – глава советского правительства намеревался провести открытый судебный процесс над низложенным монархом, где в качестве обвинителя уже был назначен Лев Троцкий. Но к тому времени уже началась Гражданская война. К Екатеринбург урвались белые, а анархисты повсюду орали, что бывшего царя следует ликвидировать, дабы «не достался б никому». Уралоблсовет лихорадочно обменивался с Москвой шифрованными телеграммами, в которых настаивал на «решительном варианте». В Москве шли жаркие споры Ленина с главой государства Яковом Свердловым. «Именно всероссийский суд, и с публикацией в газетах!» – кипел гневом Ленин. – «Мы подсчитаем, какой людской и материальный урон нанёс самодержец стране за годы царствования. Николая Кровавого на суд народа!», – взывал Ленин.

Яков Михайлович не ругался, не спорил особенно-то, он о чём-то думал, чего-то выжидал. И, наконец, как следствие всего, исполком Уральского областного совета 16 июля 1918-го самостоятельно принял – вероятно, устное, – решение о расстреле, а в ночь на 17 июля узники подвала дома Ипатьева в центре Екатеринбурга были внезапно расстреляны – Николай, царица Александра Федоровна, их пятеро детей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, несовершеннолетние Анастасия и цесаревич Алексей, а также несколько домочадцев: доктор Евгений Боткин, слуги Алексей Трупп, Иван Харитонов, Анна Демидова. Всего одиннадцать человек. Ни суда, ни следствия, как это повелось в новой России.

Президиум ВЦИК РСФСР тут же получил шифровку об исходе. И признал «правильными действия уральских товарищей». В выписке из протокола этого заседания шла речь исключительно о расстреле Николая Романова. Советская печать наутро торжественно объявила об этом. А семья его будто бы спрятана в «надёжном месте»...

Едучи в какой-то поддёвке в третьем классе поезда на Москву, Николай Васильевич кусал губы, вытирая глаза и небритые щёки, и говорил себе: «Наша беда в безупречном законопослушании. Император сделал это принципом, зато большевики показали нам, как надо действовать в крайнем положении. Корю себя за то, Господи, что не решился вовремя на активную операцию в Екатеринбурге, и даже ещё раньше, отсеяв колеблющихся. Нет оправдания! А ведь стал уже понимать, что такое большевики, с их общемировым апломбом, злыми вывертами, да довоенные настроения довели. Непростительно! Безнадёжно!».

3.

Согласно месту проживания я должен был бы посещать школу на улице Льва Толстого. Это было огромное новое здание из серого силикатного кирпича, оно находилось через квар-

тал по диагонали от нашей квартирki. Однако когда мы явились туда летом с дедом, нам сказала дежурная учительница с красной повязкой на руке, что ученики уже были набраны начиная с мая, принимались даже живущие в районе двадцать пятой, пятнадцатой и шестой школ. Почему? Так это же самые образцовые школы центральной части города.

Я ничего из этого разговора не понял, но меня обрадовала возможность попасть в 6-ю школу, находящуюся ближе других. Она стояла на самом красивом месте. С одной стороны противоположного квартала располагался штаб Приволжского военного округа, и с высокой его башни регулярно били боем часы. При этом командиры, идущие по тротуару, привычно задирали рукав гимнастёрки и сверяли свои наручные хронометры. Посередине же этого квартала стоял особнячок в окружении сада. Позднее, во время войны, в нём жил знаменитый тенор Козловский. Дед несколько раз в большом волнении ходил туда, надеясь, подобно романтически восторженному гимназисту, встретиться с Иваном Семёновичем. И один раз наконец повидал его, но издали, когда певец вышел из машины и пошёл к дому в сопровождении двух военных. Дед, придя домой, подробно рассказал мне про это, и вдруг расстроился до слёз. Его всегда неопиcуемо трогал голос Козловского по радио, а что же говорить про то, если бы довелось услышать вживую.

По диагонали через перекрёсток стоял особняк, увитый каменными и потрескавшимися цементными лилиями, его окружала ограда с коваными стеблями лилий. А за особняком высился кирпичный костёл, построенный ссыльными поляками. Если же выйти на угол здания школы, то внизу виднелась Волга с лесами и заливами на противоположном берегу.

Сюда мы явились в августе 1936 года вместе с дедом, одетым в толстовку с широчеными брюками и обутым в старые бурые штиблеты с загибающимися носками. Я был в белой рубашке и в сандалиях. Нас направили в комиссию на первом этаже. Там сидели солидные люди – мужчины и женщины – и в центре одна дамочка с тонкими извилистыми губами и гребешкообразными кудрявыми волосами. Её отчего-то боялись, потому что она уже успела всех известить, что она председатель родительского комитета. Мы было настроились на долгое стояние в очереди, но нас предупредительно пропускали вперёд, испуганно посматривая на дедову бородищу.

Та самая дамочка ещё издали уставилась на деда, а не на меня. Она сосредоточенно обдумывала вопрос, и первая его задала:

– Скажите, гражданин, а вы какого социального происхождения?

– Из мещан... Дворник я, истопник...

– А почему же борода такая? – брезгливо поинтересовалась родительница.

– Да растёт... – смущённо сознался дед. – Вот, внука привёл учиться, ваша милость.

– Какая ещё тут милость, бросьте вы тут, – заметил другой товарищ в заляпанном какой-то жирной пищей галстукe. – Внука мы видим. А где родители мальчика?

– Нет у него родителей, ваше степенство.

Дамочка тряхнула гребнем волос и отрезала:

– Ещё и родителей нет! А у нас нет мест. Вам в другую школу надо определяться.

Она с оскорблённым видом оглядела весь застольный ряд комиссии, и, не встретив ни одного оппозиционного взора, отвернулась в сторону окна.

Мы побрели к выходу, а в коридоре дед громко объявил:

– Всё, мест нету, можно уходить.

То ли себе он это сказал, то ли всем остальным. Но я видел, что это известие взволновало только несколько человек. Другие и ухом не повели.

Дед на улице, отдышавшись, виновато сказал мне:

– Я же на Карла Маркса похож, а не на царя, чего ж они...

– Нет, деда, – ответил я серьёзно, – ты на Маркса не похож. Он лысый и смуглый. Ты похож на генерала.

Всё это надолго деду испортило настроение. На другой день он без меня отправился «на разведку» в школу №12 и принёс какую-то бумажку. Там меня зачислили в первый «в» класс. Двенадцатая была немного подальше, но в другую сторону по Красноармейской улице.

Всё-таки мне было жаль лишаться возможности учиться в самой славной и красивой школе, и я подал деду мысль обратиться за помощью в районный комитет партии. Дед насто-роженно оглядел меня. Я слышал где-то во дворе, что в трудные минуты жизни стоит пожаловаться в райком, и всё может полегчать. Дед, видимо, так всё и понял, и не стал ворчать на меня и обвинять в «дерзостях». Сказал только сердито: «Никогда не имей дела с райкомами».

– Почему? – спросил я на всякий случай, хотя и догадывался, что есть места, куда лучше не соваться.

– А что, там сидят твои благодетели?

4.

Степан Фёдорович работал в основном дворником. В лучшие времена он устроился у нэпмана убирать участок вокруг конторы, и ещё в зимнее время топить у него в двухэтажном здании две печи и камин. Нэпман был вполне доволен, хорошо вознаграждал за труды, и даже как-то предложил повышение – службу комендантом, конторщиком или хоть курьером, – на выбор. При этом, правда, намекнул, что бороду придётся укоротить, если не сбрить совсем: у новой власти такие бороды вызывают недоумение.

– Вышла из обихода такая растительность, Степан Фёдорович, – объяснял хозяин. – Всю энергию у человека отнимает, опять же пробуждает религиозные и сословные предрассудки, которые никогда до добра не доводили. У нас в Красной Армии вон дозволялись только усы, и то не всякому.

– Чем же усы не угодили? – недоумённо интересовался Степан Фёдорович.

– А вот если усы роскошные, так они вызов бросают командиру или комиссару, особенно если у них природный волос жидковат. Если б я был на то уполномочен, так позволил бы усы заводить командирам начиная от комдива, да вождям и наркомам. И никакой пощады! В Европе ныне это не в модах. Деловитые люди брются и брызгаются одэ-колоном. Встал утром, соскрёб лезвием щетину, помылся – и тут же в дела вклинился. Эдак вот любовно подстригать усишки неловко для современного человека пролетарской направленности: роскошь, пришедшая от Антанты.

– Ну, тогда мне не годится любое повышение. И апостолы были все при бородах, – рассудил Степан Фёдорович, упёршись взором в чисто подметённую землю дворика.

– Тогда вольному воля, – пожал пухлыми плечами хозяин. Сел в автомобиль на хрустящий тугий кожей диванчик и унёсся по делам. Он ни за что не упускал случая вспомнить о своей долгой службе по снабжению Красной Армии, где его научили политэкономии, дисциплине и прибавочной стоимости. Он даже непременно старался подчеркнуть своё успешное прохождение этой своей красноармейской науки, явно намекая на истинные причины сегодняшнего преуспеяния.

Но долго такая прибыльная и приятная служба не радовала Тезикова: нэпман однажды внезапно свернул все дела, продал двухэтажный каменный дом и без оповещения отбыл из Самары. Знающие люди пояснили: его друг и покровитель из губисполкома был «брошен» в Туркестан на усиление среднего начальствующего звена. С ним уехали и друзья, помощники, последователи, ученики.

Степан Фёдорович устроился подметать участок по соседству. По обе стороны от его территории располагались другие учреждения, где подметали социально освобождённые женщины. Из галантности и добросердечия Тезиков стал убирать и часть их территорий, благо все их участки были маленькие. Тогда женщины на это обиделись и принялись ругаться, обвиняя его в посягательстве на их рабочие ставки: у нас, мол, хочешь оттяпать и получать три

оклада, заявила одна дворничиха, а ещё, мол, бороду отпустил да крестик за пазухой, наверное, носишь. А другая заметила:

– Он, Поля, вообще, думаю, из попов, но расстриженный. Да ещё «обрядец» какой-то... Правильно говорят – всё это «опиум для народа». Зря не скажут, мать его за ногу!

Однажды Поля, кругленькая и румяная молодая женщина с большими сильными руками, встретила Степана Фёдоровича на тротуаре и молча, но со скабрезной улыбочкой, протянула плотный листок бумаги. На нём хорошей чёрной краской и писарски душевно и красиво было выведено: «Образованная барышня необыкновенной красоты (по отзывам мол. людей), способная любить до последней возможности, примет брак со старым больным г-ном с состоянием. Обращаться в почтаamt, указав цифры номера билета Госуд. Банка Союза ССР в десять червонцев серии ФЛ – 578409». Степан Фёдорович пожал плечами – тут, судя по всему, чья-то отчаянная драма. Поля ехидно пояснила:

– С вашего участка сняли. Не ваша ли дочка объявление даёт?

– Глупости какие. И дочери у меня нет.

– Как сказать, как сказать... И воспитание у неё, как мы убедились, уж не пролетарское будет.

Вырвала Поля из рук бумажку и понесла начальству, виляя выпуклыми бёдрами.

Так с помощью мелких пакостей и выжили его с этого лёгкого участка. Пришлось покочевать то истопником, то дворником по учреждениям. И с некоторых пор, перед самой войной, достался Степану Фёдоровичу за его передовой труд большой участок – сквер – на бывшей Соборной площади. Здесь, он знал, были старинные захоронения, но собор по частям и грамотно взорвали сапёры тринитротолуолом, на его месте построили из оставшегося камня огромный Дворец культуры, а по сторонам громадной площади вместо могилки разбили четыре сквера. Один прочно стал его рабочим участком.

5.

Однажды мы поехали на ту сторону Волги. Дед вытащил из чулана огромную кошёлку, положил туда старенькое свёрнутое покрывало. Потом покосился на меня, принёс из сеней штык лопаты, завернул в покрывало и спрятал в кошёлке. Следом отдельно положил короткий черенок. Постепенно сумка заполнилась ещё дедовым пиджаком, моим свитером, едой – яйцами, сваренными вкрутую, картошкой в мундире, зелёным луком, хлебом – и стеклянной банкой с квасом.

Мы двинулись к дебаркадеру. Для экономии времени сели на трамвай. Я расположился у окна, прижавшись к нему носом и щекой. Трамвай стучал железом внизу, дребезжал стёклами и деревянными конструкциями, качался и встряхивался, отчего в салоне поднималась пыль, ярко горящая в солнечных лучах.

Я увидел, что большой собор, который в любую погоду высился в нашем окне и оглушительно звонил по праздникам, окружён милиционерами в синем, и на Соборную площадь, начиная с улицы Кооперативной, никого не пускают. Пассажиры молча сгрудились у правых окон, а дед даже не повернул голову. На мой вопрос, в самом ли деле собор будут взрывать, он пожал плечом:

– Что-то рушат, что-то будут строить. Жизнь идёт.

Я видел, что дед чем-то недоволен. Несомненно, мной, ведь он не раз говорил мне, что подобные темы он обсуждать запрещает, и нечего попусту открывать ради них рот.

– Дед, а правда, что мост строить собираются?

– Плотины. Планируется перегородить Волгу и устроить гидроэлектростанцию, чтобы электроэнергии было больше.

Молодой мужик, сидящий перед нами, обернулся и радостно сообщил:

– Аэропланы скоро с пассажирами будут летать!

У дебаркадера уже стояла «пээска» и сильно пахло свежей водой и рыбой. Был яркий солнечный день. Мы нашли местечко и расположились у борта. Плавсредство было заполнено мужиками с удочками, молодёжью в майках и с парочкой мячей, а на носу сидело несколько военных – в Рождествене располагалась большая колония заключённых.

Когда на корме затарахтело и мы окутались сизым дымком, «пээска» задрожала, отчалила и быстро набрала скорость. Бурун поднялся так высоко к борту, что я ухитрился рукой зачерпнуть воды. Сзади город медленно уходил от нас, а купол собора над домами и деревьями прощально открывался всё больше и больше.

Мы вышли на берег у огромных осокорей, под которыми гуляли выводки уток. Увидев нас, утки побежали и взлетели, подныривая в воздухе. Мы перекусили на траве, потом двинулись вглубь от берега. Здесь оказалось много злобных комаров, от которых дед только небрежно отмахивался, а я истерично лупил себя по щекам, плечам, шее, ногам, и скоро покрылся пятнышками крови земляничного цвета.

Весь день мы бродили какими-то кругами, найдя несколько грибов, немало земляники, попутно вспугивая луговых птиц. Искупались в теплоем заливишке. Голый дед, держась за причинное место, плюхнулся в томную воду и поплыл сильными сажёнками далеко и быстро. Я никак не смог его догнать, только дважды налетел в воде на толстых и скользких налимов.

Потом мы нашли продуваемое ветерком место, расстелили покрывало и устроили пир. Дед оставил меня отдыхать, захватив лопату с коротким черенком. Он вернулся не очень скоро, неся в руках свёрток из пергаментной бумаги, перевязанный слегка подгнившей верёвкой. Верёвку он сменил на новую из кошёлки, тщательно очистив бумагу от земли.

Я наблюдал за его действиями, как всегда делал, когда дед работал. Было одно удовольствие следить за его опрятными твёрдыми руками. Разворачивая хрустящую бумагу, дед постепенно открыл живописную жестяную шкатулку. На ней нарисованы бегущие среди деревьев звери и летящие птицы, и мне почудилось, словно это происходит вокруг нас и кружит в воздухе.

– Дед, а что в ней? – спросил я, мучительно вглядываясь в совершенно волшебные очертания живых существ.

– Вся моя судьба, сынок, – то ли шутливо, то ли всерьёз ответил дед.

6.

Всё-таки я придерживаюсь мнения, что судьба наша не существует отдельно от других судеб, а тем более от судьбы чего-то большего, от чего мы невольно зависим. Когда началась большая война, в доме нашем повисла тягостная тишина, прерываемая, когда дед поворачивал в полдень и вечером шишечку громкоговорителя. Точно так же притих и город.

Я совершенно не представлял тогда, в чём истинная глубинная причина испытаний для нашей страны. Зачем злодеи ринулись на наши города? Не наказание ли это всем нам за попустительства, которые нами допущены в течение своей жизни?

– Какие попустительства ты имеешь в виду? – спросил дед, сосредоточенно выслушав мои рассуждения.

– А царя сжили со свету? Как бы он нам пригодился теперь.

– Иван, – попросил дед, – не разглажься.

Он долгим взглядом провожал проходящие строем по улицам группы военных и мобилизованных. В городе в разгар осени начали создаваться военные учреждения, для которых освобождали лучшие дома. Дед угрюмо разглядывал щеголеватых военных, заполнивших эти здания, и замечал, что учреждений становится многовато, не свидетельство ли это создания оборонной линии по Волге, не зашло ли дело столь далеко? Ещё ему показалось, что среди приехавших много ответственных людей из Москвы. А к тому же над городом стало пролетать много самолётов.

Дед не выдержал и отправился в эвакуационный госпиталь, где упросил, чтобы его взяли санитаром, благо младший медицинский персонал часто менялся. Эвакогоспиталь расположился в здании школы на улице Льва Толстого, и был довольно тихим местом, куда свозили для выхаживания тяжело раненных бойцов с центральных фронтов. Многих выводить так и не удалось, и они умирали. На мои расспросы дед, убедившись, что я интересуюсь не затем, чтобы потом пересказывать одноклассникам или соседкам, а то ещё удовлетворить простое человеческое любопытство, кратко порассказал, что умирают в основном от гангрены да пневмонии, а иногда от пневмоторакса, иные долго умирают с насквозь пробитыми головами, и встречаются самые тяжёлые калеки.

Я перестал больше спрашивать, боясь узнать нечто ужасное. Да и вообще в дальнейшей жизни не развил эту легкомысленную привычку понуждать других людей отвечать на мои вопросы, а старался сначала понять, и в крайнем случае уточнить, если оставалась неясность. Ведь люди не очень настроены объяснять сложные или тяжёлые для души вещи. Я рано понял: не надо их к этому подвигать.

Иногда навещая деда, когда он задерживался в госпитале при поступлении новой партии раненых, я видел, как дед заботливо носил на руках калек из машин в палаты. Ему то и дело совали носилки, но он небрежно отпихивал эти куски брезента с палками, легко брал на руки очередного разящего лекарствами ранбольшого, и, если у того имелась хотя бы одна рука, она обнимала деда за шею, отчего дед принимался балагурить с солдатиком и поругивать за удобу. А тот, слабо усмехаясь да пытаясь невпопад что-то отвечать, от волнения терял силы, но почти непременно за время путешествия до койки успевал назвать моего деда «отцом». Дед никогда его не слушал, да и меня обычно не замечал, а сосредоточенно исполнял свою тяжёлую работу.

Конечно, его в госпитале ценили, как и всюду. Только деда ничего не успокаивало. И когда по улицам стали разъезжать совершенно экзотические машины и лимузины с дипломатическими номерами, в которых сидели респектабельные господа, старшие офицеры в формах защитного цвета разнообразных оттенков, и иногда попадались суровые генералы, а на улицах зазвучала иностранная речь, появилось множество военных патрулей, до него дошли сведения, что наш город сделался столицей.

А потом ещё несколько недель прибывали эвакуированные из Москвы, из Ленинграда, из Воронежа, с Украины вместе с авиационными, машиностроительными, ремонтными заводами, а также с театрами, с библиотеками, с архивами, с мощными радиопередатчиками, с правительственными учреждениями и небольшими организациями. Как следствие всего этого, город заполнился множеством детей разных возрастов. Тогда дед избавился от постоянного нервного напряжения и успокаивающе доложил мне:

– Всё не так уж и плохо. Тут глубокий тыл будет.

7.

В январе 1942-го Тезикова уплотнили, вселив семью авиационного инженера Самуэля Вениаминовича Белоцерковского с Украины. Он пришёл с женой Элеонорой Моисеевной и дочерью Саррой. Все трое сгрудились у входа, кланяясь и вежливо улыбаясь.

– Откуда будете, странники? – нашёл возможным пошутить Степан Фёдорович.

– Из Киева бредём, – неожиданно откликнулся глава семейства. Знакомство состоялось. Эвакуированные поселились в пристрое, в комнате Степана Фёдоровича, которая им вполне понравилась. А Тезиков перебрался на диван рядом с печкой. Белоцерковские прибыли в специальном эшелоне, где ехали учёные, инженеры и семьи ответственных работников. Их дважды бомбили по дороге, а один раз обстреляла из пулемётов прорвавшаяся сквозь зенитное заграждение эскадрилья «Хейнкелей». Бомбы не принесли потерь, а вот от огневой атаки истребителей было убито несколько беженцев.

– Одну женщину рядом с нами, – тоскливо сказала Элеонора Моисеевна. – Мы жили в одном доме...

– Нас это почему-то больше всех потрясло, – сознался Самуэль Вениаминович. – Смерть её была больнее, чем гибель многих, про которых мы слышали и читали.

Тезиков решительно согласился с достоверностью этого психологического наблюдения. Теперь они с Иваном восприняли появление, если не вторжение, в их жизнь эвакуированных более предметно, чем представлялось из сообщений радио и газет. Белоцерковские привезли с собой непосредственное впечатление от войны как о «невыносимой музыке бомб». Поначалу они только о войне и говорили. Элеонора Моисеевна как-то достала из кармана пакет из плотной бумаги, где хранилось несколько писем с фронта от старшего сына, который служил в штабе переводчиком. Степан Фёдорович сосредоточенно вертел в руках треугольнички со штемпелями, словно боясь помять жёлтую бумагу своими толстыми жёсткими пальцами.

– Летом я окончу десятый класс, и тоже пойду переводчиком, – спокойно и в полном молчании сообщила Сарра, как о деле уже обдуманном и решённом.

– Наверное, вы учительница немецкого языка, – предположил Тезиков, обращаясь к Элеоноре Моисеевне.

– Нет, я обыкновенный лаборант. Мы ведь все с детства знаем идиш, который считается диалектом немецкого, так что ничего специально учить не надо.

Самуэль Вениаминович привёз целый чемодан учёных книг. Одна из них была на немецком языке, и Иван издал зорко прочитал вслух: «„Пу-ан-ка-ре“. Это про бывшего французского премьер-министра?».

– Да нет, – застенчиво произнёс инженер. – Про Жюль Анри Пуанкаре, математика. Мне важна его гомологическая гипотеза, которой надеюсь когда-нибудь заняться всерьёз.

– А в чём она, гипотеза? – продолжал настаивать Иван.

– Гипотеза Анри Пуанкаре? Над ней думают все математики мира. Ну, смотрите... Присаживайтесь все вот тут, смотрите. Берём двусвязный бублик и превращаем в двусвязный цилиндр, – Самуэль Вениаминович торжественно-назидательно взял со стола бублик, разрезал ножом на две части вдоль и развёл их в стороны, изобразив цилиндрическое тело. – Чем нам не двусвязная кружка? – Он показал пальцем на свою дюралюминиевую кружку с чаем. – Эти предметы мы не сможем без конца деформировать так, чтобы стянуть их в одну точку. Мы можем лишь эту кружку путём непрерывных гомеоморфных преобразований превратить в бублик. Так что основные топологические свойства её сохраняются, как вы видите, и других она не приобретёт. Ваня, принеси, пожалуйста, шар от подшипника.

Иван пошёл в комнату Белоцерковских и взял со стола Самуэля Вениаминовича большой гладкий стальной шар, которым инженер придавливал бумаги. Самуэль Вениаминович показал всем домочадцам шар, подняв его над головой.

– А вот шарик этот односвязен, а поверхность его трёхмерна. Пуанкаре допустил, что шар, как солнце, находится в пространстве, а не лежит на столе или в моей руке. То есть он находится как минимум в четырёхмерном пространстве. Итак, трёхмерная сфера представляет поверхность четырёхмерного шара! А привычная нам двухмерная сфера может составить только поверхность трёхмерного шара. Понимаете?

В общем молчании Иван кивнул головой. Самуэль Вениаминович кинулся к нему и торжественно взял его голову в свои руки. Иван спросил:

– Так это и есть теория гомологий?

– Вот! – закричал Самуэль Вениаминович. – Родился тополог! Но учти, юноша, гипотезу Пуанкаре так просто не разгадать, многие на ней буквально сломали голову. Я вовремя сделал перерыв, хотя и не оставил попыток доказать. Голова моя пока нужна для обороны, даже о коммунизме стоит пока забыть.

– Вы коммунист, Самуэль Вениаминович? – спросил Тезиков настороженно.

– О, нет! Есть такая категория – сочувствующий.

– Для меня это близко лежит. А ведь что такое коммунист? Это человек, верящий, что божье царство можно создать на земле и при нашей жизни, но только без бога. А вот для меня Божье царство без Бога не существует. Я почитаю любые земные законы, только не соглашусь с теми идеями и верованиями, которые не разделяю.

– Вы, как человек образованный, замечательно излагаете собственные мысли. Но я ведь тоже с ними не могу согласиться. Да и с законами для меня вопрос не закрыт: наци мне, например, не указ! А кстати, Степан Фёдорович, вы где учились?

– В пяти классах гимназии.

– И того довольно. И я рад с вами беседовать.

– Благодарствуйте, я тоже рад общению с вами.

Степан Фёдорович потом наедине не без назидательности говорил внуку:

– Ваня, Самуэль Вениаминович хороший человек, заставляющий себя мыслить исключительно технически. Но ведь природа человека при этом всегда насилуется. Мы же гуманоиды, а не механизмы!

– Дед, а чего ты это не скажешь Самуэлю Вениаминовичу прямо в глаза?

– Я не могу этого ему сказать, потому что он человек немного другого мира, чем я. Во-первых, он, математик, ощущает себя инженером и «технарём» – так сейчас выражаются в подобном случае?.. А ведь математика гуманитарная наука, и всегда таковой была – я её так изучал! Она вынуждает человека мыслить абстрактными образами, последовательностями, тогда как специалист чисто технического знания фрагментарен по мировосприятию, он доверяет частностям или определённой системе, а не целостному миру, который мы называем Божиим.

– Но ведь об этом надо спорить, дед.

– Если я об этом заговорю, меня назовут идеалистом и антимарксистом, потом обвинят в какой-нибудь вредной деятельности. Я же хорошо разобрался в этой путаной политической терминологии, и понимаю, что вреден тем, что по-своему думаю. Да к тому же и не хочу хорошего человека ставить в неудобное положение.

– Какое ещё положение, дед? Ты же честно это высказываешь!

– Так что же, что честно. Честность, Ваня, разумеется, не порок, а вещь редкая, и потому даже тревожащая. Ты наблюдал когда-нибудь за порядочным человеком в трамвае или, допустим, в присутственном месте, когда он отстаивает свои правила? Ты за него начинаешь бояться – вот сейчас он скажет что-то такое, и на него обрушатся... Все вокруг поймут, что он против обещанного пролетарского счастья. Мы живём в новой империи, с принципами которой обязаны считаться. Только от этого зависит наша судьба в империи...

– Я понимаю, что не стоит никому навязывать своих мыслей, но есть же объективные вещи, которые ты видишь и о которых надо прямо говорить. Ты, дед, разве не так делаешь?

– Ну, во-первых, как ты, полагаю, заметил, я это говорю только с тобой наедине... А? Осознал?.. Во-вторых, объективных вещей ты встретишь очень мало, люди пользуются обычно субъективными представлениями...

– Кроме учёных.

– И учёные тоже во многом субъективны. Ведь науки имеют собственные категории и понятия, которые неизбежно и поневоле сужают подход к предмету, вместе с тем и углубляя в некоторых частностях... Ты, я вижу, сынок, очень этим вопросом увлёкся? Неужели и в школе можешь позволить спор с учителем? Ставишь его в неудобное положение?

– Так это нормальное европейское правило, деда!

– Хм... Европа более сложна, чем тебе кажется, чтобы её постоянно идеализировать. Я хочу напомнить тебе, кстати, сцену из романа Стендаля «Пармская обитель». Духовник, кажется, духовник юноши Сореля, отправляя его на учёбу в иезуитскую школу, так примерно

его напутствует: ты можешь соглашаться или не соглашаться с тем, чему тебя будут учить, но не выдвигай никаких возражений; вообрази, что тебя учат играть в шахматы, ты же не станешь возражать против правил этой игры?.. Вот и в нашем случае так же – приходится быть умнее природы, но не показывать это никому.

– Совсем никому? – удивился Иван. – Как же можно жить в такой атмосфере?

– Только близким людям, которым веришь. Ну а жить – жить всё равно надо, хотя бы и наперекор всему, но – по достоинству.

Степан Фёдорович привстал, выглянул из комнатки Ивана, где они тихо беседовали, и отметил, что подселённые жильцы всем семейством отправились гулять. Он тоже стал одеваться в ватник и валенки с калошами – предстояло пойти оплатить поставку дров и угля для печи.

Пробираясь по чисто выскобленному ото льда тротуару улицы Льва Толстого, в сторону улицы Куйбышева, на которых топталось несколько вооружённых фигур, Степан Фёдорович посмотрел вправо и увидел в одном окне наискосок через дорогу курящего человека с желтовато-седой бородкой, который что-то говорил, слегка поворачиваясь в сторону. И Тезиков узнал главу Советского государства.

8.

Михаил Иванович Калинин выбрался из штор, отошёл от окна и сел за стол, протягивая руку за машинкой для набивания папирос. Она ему безумно нравилась, красиво хромированная, прочная, приятно тяжёлая. «Всесоюзный староста» под взглядом первого секретаря райкома местной партийной организации Краснова, в прошлом такого же, как сам Калинин, простого рабочего парня Александра, а никакого не Павловича, наполнил ароматным черноморским табаком ещё одну папиросу, приговаривая:

– С 15 октября прошло много времени, чтобы всех разместить. Та-ак... А ведь скажи, товарищ Краснов, есть среди них особо капризные? А? Угадал! – обрадовано заключил он. Потом посерьёзней: – Взносы как собираются?

– Нерегулярно платят, – признался секретарь райкома. – Месяцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.